УДК 81-112

О ДРЕВНЕРУССКОМ ИМПЕРФЕКТЕ*

О.Ф. Жолобов

Аннотация

В статье рассматривается функционирование имперфекта в древнерусском языке. Особое внимание уделяется истории так называемого аугментного имперфекта и перфективного имперфекта. Приводятся результаты анализа имперфектных форм в ряде древнерусских источников, которые являются новыми доказательствами узуального характера древнерусских имперфектных форм.

Ключевые слова: древнерусский язык, историческая грамматика, функционирование претеритных форм, имперфект, аугмент, памятники письменности.

В последние годы история и функционирование имперфекта в древнерусских источниках вновь становится предметом оживлённой научной дискуссии (см. [1, с. 200–224; 2; 3, с. 199–200; 4, с. 31–32; 5; 6, с. 134–135; 7, с. 94–106; 8, с. 827–829; 9, с. 123–124; 10, с. 23; 11; 12; 13]). Внимание исследователей прежде всего привлекают два типа имперфектных образований – так называемый аугментный имперфект и перфективный имперфект. Оба типа форм обычно характеризуются как яркая примета рукописей, созданных именно в Древней Руси.

Особенностью новых работ является сосредоточенность на отдельных памятниках письменности, не выборочное и иллюстративное изучение языковых данных, а детальный анализ всей совокупности фактов. Такой подход, подкреплённый количественной оценкой, позволяет точнее представлять реальную картину функционирования претеритных форм в древнерусском языке. Так, внимательное рассмотрение А.А. Зализняком аугментных и перфективных имперфектов в «Слове о полку Игореве» позволило обнаружить новые доказательства его древности и оригинальности [7]. Вместе с тем В.Б. Крысько скептически оценивает восточнославянское происхождение перфективного имперфекта, ссылаясь на отдельные примеры подобных образований в инославянских источниках и неизученность данного явления на более широкой источниковедческой основе [8, 9]. Впечатляющие результаты были получены О.Б. Страховой [11], которая установила точные количественные параметры дистрибуции так называемых аугментных имперфектов в 12 древнерусских источниках XI – XIV вв. В этом исследовании ещё отчётливее, чем в работе В.М. Живова [1], была прояснена неоднородность древнерусских источников в отражении подобного рода имперфектных форм, что в интерпретации О.Б. Страховой, развивающей идеи

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-04-00283).

А. Тимберлейка [12], получило генетическое звучание. Выводы, полученные в названных работах, требуют внимательного рассмотрения с привлечением данных древнерусских источников, которые стали доступны в недавнее время, а также в свете новых фактов, которые стали известны о ранее изданных памятниках.

Положение книги А.А. Зализняка о восточнославянском генезисе перфективного имперфекта в ряде древнерусских источников, в том числе в «Слове о полку Игореве», может быть существенно скорректировано, поскольку подобные формы имперфекта обнаруживаются в старославянской «Супрасльской рукописи», в то время как в других старославянских памятниках эти формы действительно единичны. Перфективные имперфекты обозначали регулярные, многократные законченные действия в прошлом, в том числе сакрально-ритуализированного характера. См., например, пассаж сразу с несколькими формами перфективного имперфекта, в котором вспоминается известный евангельский эпизод о том, как всякий раз, когда сходил ангел и возмущал воду, первый из больных, кто опускался в воду, всякий раз получал исцеление, а вот следующий после первого уже не исцелялся[1]: **сьнидѣаше тамо реуе анґелъ и̇ възмѫштааше водѫ · и̇ и̇же би бьлѣзлъ по възмѫштенниї воды · наслаждааше са и̇цѣленьꙗ · снде ангельскыи владыка въ їорданьскыꙗ воды · и̇ сватвъ водьноѥ и̇стьство бьсѫ вьселенѫѭ и̇сцѣлилъ · сего ради · тамо оубо · и̇же сниде аше по прьвѣѣмъ оуже не и̇цѣлѣаше** Супр 248 об., 10–16.

Помимо выделенных имперфектов, ввиду контекстуальной рядоположенности к перфективным глаголам здесь могут быть отнесены и имперфекты **възмѫштааше, наслаждааше са**, которые вне контекста с одинаковой долей вероятности могут являться имперфектными формами как глаголов совершенного вида **възмѫтити, насладити са**, так и глаголов несовершенного вида **възмѫштати, наслаждати са**. Подобное употребление имперфекта в данном памятнике в целом оказывается близким немногим древнерусским памятникам, в которых имперфекты совершенного вида являются довольно частотными, – таким, как «Житие Феодосия Печерского», «Повесть временных лет», древнерусский перевод «Истории Иудейского войны» Иосифа Флавия.

В недавней монографии А.А. Пичхадзе как связанный с Древней Русью рассматривается перевод «Жития Феодора Студита», дошедший в «Выголексинском сборнике» конца XII в. и содержащий отдельные лексические русизмы (см. [14, с. 36–39]). В издании древнерусского перевода «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия подчёркивается такое свидетельство его восточнославянского происхождения, как частое употребление перфективных имперфектов, в отличие от другого переводного памятника – «Жития Феодора Студита», где их нет (см. [10, с. 23]). По-видимому, частотность перфективных имперфектов в переводе «Истории Иудейской войны» несколько преувеличена. Так, включение словоформы **възвращахоутса** в небольшой перечень примеров несомненно перфективных имперфектов вряд ли может быть принято, поскольку её допустимо

[1] Ср.: Иоанн 5, 4.

считать как формой глагола совершенного вида **въз҆братнтнсѧ**, так и формой глагола несовершенного вида **въз҆бращатнсѧ**. Последнее, однако, приходится признать предпочтительным, так как имперфект семантически теснее связан со значением глагольного несовершенного вида. В указателе издания памятника имперфекты **въз҆бранѧхꙋть, запрѣщахꙋть** и под., соотнесены с леммами глаголов совершенного вида **въз҆бранити, запрѣтити** и под., хотя для имперфектов, как правило, исходными принято считать прежде всего глаголы несовершенного вида **въз҆бранѧти, запрѣщати** и под. В то же время в «Житии Феодора Студита» в действительности также представлены перфективные имперфекты: **посѣꙋаше**ЖФС 99, 7; **престанѭшеть** 48 об., 15; **прнмѭшеть** 53, 14[2]; **ѡстанѭше** 118, 16; **ѡстанѭхоуть** 55, 5. С большой долей вероятности к перфективным имперфектам относятся **покорѭшеть** 59 об., 16; **расмотрѧше** 168 об., 14 с кратким корневым гласным, как в перфективах **покорити, расмотрити**, в то время как длительные глаголы **покарѭти, расматрѭти** исконно содержали долгий гласный. К перфективным глаголам в «Словаре языка старославянского», наряду с **облѣгъꙋнти**, отнесён глагол **облѣгъꙋати** ‘облегчить’, с которыми соотносится имперфектная форма в ЖФС: **облѣгъꙋашеть** 46 об., 2. Приводится единственный пример с аористной формой глагола **облѣгъꙋати**, обозначающей законченное действие в прошлом, из «Супрасльской рукописи»: **облѣгъꙋа братꙋ томоу ратъ** (SJS, II, s. 478).

Более важным и показательным для характеристики «Жития Феодора Студита» как древнерусского по происхождению памятника являются формы так называемого аугментного имперфекта – имперфекта с добавочным **-ть**, которое с исторической точки зрения является не аугментом-приращением, вопреки А. Тимберлейку [12, с. 76], а исконным первичным окончанием *-*ti* > *-*tь*, варьирующимся с вторичным окончанием *-*t* > *-*ø* (см. [5, с. 19–20; 13, с. 266; 15, с. 280–281]).

Согласно подсчётам О.Б. Страховой, в «Житии Феодора Студита» 83 формы имперфекта (или 26,6% всех форм 3 л.) имеют добавочное окончание **-ть**. Это очень высокая цифра даже для оригинальных памятников, не говоря уже о переводных. Так, в переводном «Житии Нифонта», составляющем первую часть «Выголексинского сборника», таких форм нет [11, с. 250]. В оригинальном древнерусском «Житии Феодосия Печерского», созданном в конце XI или начале XII в., 52 формы (или 13,7% всех форм 3 л.) имеют добавочное **-ть**. Высокой частотностью отличается употребление имперфектов на **-ть** и в упоминавшемся древнерусском переводе «Истории Иудейской войны», появившемся в XI – XII вв. Таким образом, в переводах древнерусского происхождения частотность имперфектов с добавочным окончанием соотносительна с таковой в оригинальных древнерусских текстах и показатель частотности данных форм может рассматриваться как свидетельство древнерусского происхождения переводных памятников. Этот вывод, однако, требует важного уточнения – морфосинтаксической характеристики словоформ с добавочным окончанием.

---

[2] Ср. формы несовершенного вида **прннмаше, прннмашеть** при инфинитиве **прннмати**, тогда как форму **прнмѭшеть** < **прннмѣашеть** следует связывать с презентной основой **прннм-** перфективного глагола **прнѧти**.

Выделяются 2 основных типа употребления имперфектов на **-ть**:

1) преимущественное употребление только форм 3 л. мн. ч. перед вторичной энклитикой **н** ‘его’ (**оугнѣтахоуть н** ЕвАрх 138 об., 14; **молѧахоуть н** ЕвМст 38г, 4 и под.)[3];

2) употребление как форм 3 л. мн. ч., так и форм 3 л. ед. ч. в разных синтаксических позициях, в том числе перед различными энклитиками и вне зависимости от энклитик (**тъснѩхоутьсѧ** ЖФС 43 об., 15–16[4]; **творѩшеть въ себе** 59 об., 16 и под.).

В отличие от В.М. Живова, О.Б. Страхова отрицает прямую связь какого-либо из типов с жанровой характеристикой, возводя первый – к исходной норме XI в., а второй – к расширению исходного употребления в XII в. [11, с. 287]. Само появление так называемых аугментных форм В.М. Живов связал с отталкиванием от обсценного звучания сочетаний типа **хвалѩахоу н** в евангельских текстах [1, с. 210–211]. Этому противоречат разные факты. Например, в «Мстиславовом евангелии» до 1117 г. на фоне 26 примеров типа **молѧахоуть н** 38г, 4; **гнѣтѧахоуть н** 61г, 7 выделяется 8 случаев без добавочного окончания, что составляет довольно существенную величину (23,5%): **нмѣахоу н** 41г, 12–13, **вндѧахоу н** 72в, 19–20 и под. Кроме того, трудно объяснить, как столь специфический контекст употребления форм с добавочным окончанием послужил источником стремительного и широкого распространения форм на **-ть** далеко за его границы. Заметим, что «Житие Феодосия Печерского» было создано в конце XI или начале XII в. – почти одновременно с «Архангельским евангелием» 1092 г., в котором, в отличие от «Жития…», имперфекты с добавочным окончанием почти исключительно представлены в контекстах типа **молѧхоутн н оучєнцн** 2 об., 11 (здесь оно сопровождается отражением развившегося напряжённого редуцированного **-тн н** < **-ть н**).

Между тем все тексты с имперфектами первого и второго типа входят в две разные группы, которые различаются происхождением их первоисточника: первый тип представлен списками старославянских переводов, а второй – списками оригинальных древнерусских текстов или древнерусских переводов. В связи с этим необходимо отметить особое распределение имперфектов в «Житии Феодора Студита». В одном и том же тексте, переписанном одним писцом, представлены, как было установлено О.Б. Страховой, 2 типа употребления. В первой части ЖФС (л. 33об.–99) масштабно представлен максимально расширенный тип употребления имперфектов на **-ть** (81 форма), в то время как во второй части (л. 100–172) использовано лишь 2 формы [11, с. 254]. Согласно А.А. Пичхадзе, в двух частях «Жития Феодора Студита» прослеживается использование разной переводческой техники – иными словами, деление текста объясняется работой двух переводчиков [14, с. 38–39]. Приходится признать, что в одно и то же время существовали разные традиции употребления имперфектных форм с добавочным окончанием: одна ориентирована на живую речь и максимально широкое использование форм на **-ть**, а другая, напротив,

[3] Формы винительного падежа личных местоимений и анафорического местоимения **jь* > **н** являются вторичными энклитиками, первоначально имевшими полноударный характер, на что указывают примеры предложно-падежные сочетания **въ нь** ‘в него’, **на нѧ** ‘на них’ и под.

[4] Один из лексических русизмов в «Житии Феодора Студита».

ориентирована на книжную речь с её сдержанностью в использовании данных форм.

Известно, что «Житие Феодосия Печерского», созданное не позднее начала XII в., также распадается на 2 части, при том что разделение вызвано другими причинами – сменой писца в середине столбца 46г: в отличие от первого писца, у второго писца не встречается имперфект 3 л. ед. ч. на **-ть**, а также отсутствуют формы с отражением перехода **-тн н** < **-ть н** в 3 л. мн. ч. Таким образом, употребление соответствующих форм объясняется орфографическими навыками писцов, меньшей или большей свободой в использовании разговорных форм. В Евангелии с его древней старославянской традицией господствует принцип максимальной ограниченности древнерусских форм с добавочным окончанием, сведённый к узкому типу контекстов с потенциально обсценным звучанием. Эта ориентированная на Евангелие норма употребления есть результат максимального сужения сферы использования имперфектов на **-ть.** В заново создаваемых текстах или переводах, как можно было удостовериться, наблюдается совсем другая картина. Так, в записи к «Мстиславову евангелию» до 1117 г. писец использует привычную для него форму на **-ть** даже в составе плюсквамперфекта 3 л. ед. ч.: **ѥже <u>бѧшеть</u> казалъ мьстиславъ кънѧзь** 213а, 25 – 213б, 1. Здесь следует обратить внимание и на ещё одну особенность данной формы: это так называемый стяжённый имперфект, в то время как в самом евангельском повествовании полностью господствуют нестяжённые формы, как в старославянском первоисточнике: **нскаахѫ** ЕвМст 7б, 13–14; **молѧахоуть** 41г, 12; **блюдѧахоу** 124б, 11; **хѫлѧаше** 161б, 24–25; **хотѧаше** 206б, 2 и под. Сохраняются в отдельных случаях даже формы с тремя гласными графемами подряд: **не съмѣѩахоу** ЕвМст 97г, 22–23. Вместе с тем нестяжённые формы несут отчётливую печать русификации в сравнении с исходными старославянскими формами: **молѧахоуть** < **молѩахѫ**; **блюдѧахоу** < **блюдѣахѫ**; **хѫлѧаше** < **хоулѩаше**; **хотѧаше** < **хотѣаше** и т. д. Архаичные орфограммы с тремя гласными графемами, которые даже в старославянских источниках являются большой редкостью, наблюдаются и в более поздних древнерусских списках Евангелия в XII – XIII вв.:

ЕвПант – **бѣѩаше** 65в, 3; **нмѣѩаше** 112а, 11–12; **нмѣѧаше** 115в, 3–4; **бнѩахоутн н** (< **бнѩахѫ н**) 144в, 4; **знаѩаше** 216а, 14;

ЕвТип – **знаѩаше** 4б, 9; **въпнѩашете** 40а, 16–17; **бнѩахоуть н** 56г, 13 и др.[5]

Единичный пример форм 3 л. ед. ч. на **-ть** в «Остромировом евангелии» 1056–1057 гг. обусловлен не столько речевым автоматизмом, сколько старославянским первоисточником:

н бѣшѧ людие жнд҃ще захарнѩ н оуждаахѫсѧ ѥже <u>моуждашеть</u> въ црькъвн н шьдъ же · не можааше гл҃ати къ нимъ ЕвОстр 279а, 14–279б, 4[6]

оуждаахѫ сѧ ѥже <u>къшнѣаше</u> <u>тъ</u> въ црькъве L 1, 21 Mar (**мѫждааше** Zogr, **моуждааше** As) (SJS, II, s. 95)

[5] Такие формы встречаются лишь в глаголических четвероевангелиях – Мариинском и Зографском [16, с. 268].

[6] Ср.: **і бѣша людие жнд҃ще захарнѧ · н оуждаахѫсѧ ѥже <u>моуждаашеть</u> въ црк҃ве · н ішьдъ не можааше гл҃ати къ людьмъ** ЕвТип 94а, 22–94б, 4.

Сочетание глагола **моуждааше** и местоимения **тъ** было воспринято как единая словоформа только по той причине, что подобные формы существовали в речи писца. Нельзя исключать того, что и в старославянском языке здесь была представлена единая словоформа, а не словосочетание. Подобный же случай в старославянской «Саввиной книге» рассматривают именно так:

н ѕапрѣтн нмъ да ннкомоуже не повѣдать· елнкоже н ѕапрѣшашеть онн паче проповѣдааχоу·н прѣнѕлнχа днвлѧаχоусѧ глюще·добрѣ вьсе творнть ЕвПант 156б, 12–19

елнкоже імъ тъ ѕапрѣштааше·онн же паче із лнχа проповѣдааχѫ Mc 7, 36 Zogr Ostr, **ѕапрѣшашетъ** (*sic!*) Sav (**ѕаповѣдааше** Mar, **ѕапрѣті** As) (SJS I, 655)[7]

Тем не менее и в евангелия проникают под влиянием речевого автоматизма отдельные формы на **-ть**, не связанные со стандартной позицией форм 3 л. мн. ч. имперфекта перед энклитическим местоимением **н**. Примеры:

ЕвТип – **Ндѧаχоуть же съ ннмь народн мнозн** 118а, 9–10; **н не імѧаχоуть нмъ вѣры** 135б, 11–12;

ЕвМуз – **ѧко нападаχоуть кмь** 49г, 17–18; **н слоужаχоуть кмоу** 113б, 25; **твон бѣаχоуть н мънѣ ѧ далъ кен** 148в, 21–23[8]; **даѧχоуть кмоу** 154г, 14–15;

ЕвПант – **прѣщаχоуть кмоу** 129а, 8–9; **оученнцн же прѣщаχоуть прннносѧщнмъ** 130б, 7–8; **н прѣщаχоуть ему** 132б, 15; **ръпътаχоуть же нюден на нь** 12а, 25–26; **н оужасаχоусѧ н послѣдь ндоуще боѧχоутьсѧ** 131б, 19–20.

Помимо расширенного употребления перед разными формами анафорической местоименной энклитики **н**, здесь встречаются и не связанные с местоимением примеры, в том числе такие, которые свидетельствуют об исконном характере форм на **-ть**. «Вообще говоря, значимым является употребление *-ть* перед энклитиками, начинающимися с согласного (*ся, бо, же*): если речь идёт о флексии, унаследованной из праславянского, она должна сохраняться и перед клитиками; если же речь идёт об аугменте, появляющемся в условиях сандхи, употребление его перед данными клитиками является вторичным и необязательным» [1, с. 202–203]. Заметим, что клитика **н** (фонетически [*jь*]) тоже начинается с согласного. В оригинальных и переводных древнерусских источниках употребление **-ть** соответствует указанным выше приметам исконного праславянского окончания, которое проникает в ходе русификации и действия речевого автоматизма в язык евангелий, где изначально его быть не могло.

Summary

O.F. Zholobov. On the Old Russian Imperfect.

The paper discusses the functioning of the Old Russian Imperfect. Particular attention is paid to the so-called Augment and Perfective Imperfect history. The results of the analysis

[7] А.Вайан приводит также форму **можаашетъ** из более поздней вставки в глаголическом Зографском четвероевангелии [16, с. 267].

[8] Имперфект здесь находится не перед энклитическим местоимением, а перед проклитикой – союзом **н**.

of Imperfect forms in some ancient manuscripts are provided. They are the new evidence of the usual nature of Imperfect forms in the Old Russian language.

Keywords: Old Russian language, historical grammar, functioning of Preterite forms, Imperfect, Augment, written records.

Источники

ЕвАрх – Евангелие апракос краткий («Архангельское евангелие») (РГБ, М.1666, 1092 г.) / Подг. А.В. Баранов, Д.С. Корнилова, Т. Славова // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=15843750, свободный.

ЕвМст – Евангелие апракос полный («Мстиславово Евангелие») (ГИМ, Син. 1203, до 1117 г.) / Подг. Д.С. Корнилова // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=82016377, свободный.

ЕвМуз – Евангелие апракос полный (РГБ, Рум. 104, кон. XII – нач. XIII (?) в.) / Подг. О.В. Зуга, Е.В. Рябова // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=42096819, свободный.

ЕвОстр – Евангелие апракос краткий («Остромирово Евангелие») (РНБ, F.п.1.5., 1056–1057 гг.) / Подг. Т.В. Кокорина, О. Головизнина // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=40921436, свободный.

ЕвПант – Евангелие апракос полный («Пантелеймоново Евангелие») (РНБ, Соф. 1, XII – XIII в.) / Подг. О.В. Зуга // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=35294270, свободный.

ЕвТип – Евангелие тетр («Типографское евангелие») (РГАДА, ф. 381 (Син. тип.), № 1, XII в.) / Подг. Е.В. Рябова // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871, свободный.

ЖФС – Житие Феодора Студита // Выголексинский сборник / Подг. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Голышенко; под ред. С.И. Коткова. – М.: Наука, 1977. – С. 134–409.

Супр – Минея четья на март («Супрасльская рукопись») (Собр. Зав. № 21; Cod. Kop. 2; РНБ, Q.п.72, сер. XI в.) / Подг. Е.В. Рябова-Чернова // ИАС «Манускрипт». – URL: http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=85179364, свободный.

SJS – Slovník jazyka staroslověnského. – Praha: Academia, 1956–1997. – T. I–IV.

Литература

1. *Живов В.М.* Восточнославянское правописание XI – XIII века. – М.: Языки славян. культуры, 2006. – 312 с.
2. *Жолобов О.Ф.* Древнерусский имперфект в корпусе учительных сборников // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2010. – № 42(4). – С. 5–11.
3. *Жолобов О.Ф.* О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // Русский язык в научном освещении. – 2012. – № 1(23). – С. 194–231.
4. *Жолобов О.Ф.* Презенс-футурум в Троицком сборнике (РГБ, Тр. 12) // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. – 2013. – Т. 155, кн. 5. – С. 30–39.
5. *Жолобов О.Ф.* «Аугментный имперфект»? // J. Comparative Studies. – 2014. – V. 33, No 4. – С. 19–32.
6. *Жолобов О.Ф.* О рефлексах *ti*- и *t*-форм глаголов в древнерусском языке // Russian Linguistics. – 2014. – V. 38, No 1. – С. 121–163.
7. *Зализняк А.А.* «Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 480 с.

8. *Крысько В.Б.* Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь–февраль / подг. В.Б. Крысько, Л.В. Прокопенко, В. Желязкова, И.М. Ладыженский, А.М. Пентковский. – М.: Азбуковник, 2011. – Т. II. – С. 798–837.
9. *Крысько В.Б.* Об издании Скитского патерика // Вопр. языкознания. – 2014. – № 5. – С. 122–148.
10. *Макеева И.И., Пичхадзе А.А.* Грамматические особенности древнерусского перевода // «История Иудейской войны» Иосифа Флавия: Древнерусский перевод: в 2 т. / Подг. А.А. Пичхадзе, И.И. Макеева, Г.С. Баранкова, А.А. Уткин; отв. ред. А.М. Молдован. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – Т. I. – С. 19–26.
11. *Страхова О.Б.* Аугментный имперфект и две нормы: новый взгляд в свете статистических данных // Palaeoslavica. – 2011. – V. XIX (2). – С. 240–293.
12. *Тимберлейк А.* Аугмент имперфекта в Лаврентьевской летописи // Вопр. языкознания. – 1997. – № 5. – С. 66–86.
13. *Stoll S.* On the desinence {-*t*(’)} of the Early East Slavic imperfect // Russian Linguistics. – 2000. – V. 24. – P. 265–285.
14. *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2011. – 408 с.
15. *Семереньи О.* Введение в сравнительное языкознание. – М.: Прогресс, 1980. – 408 с.
16. *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. – М.: Изд-во иностр. лит., 1952. – 446 с.

Поступила в редакцию
04.08.15

Жолобов Олег Феофанович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: *ozolobov@mail.ru*